

№ 6

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. Вейгель. 22

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода 3 » 50 »

На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I Дѣтство и жизнь поэта. М. Цебриковой. — II. Отрокъ. (Стих.). С. Дрожжина. — III. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ — IV. Квитко-Основьяненко. * *

ДѢТСТВО И ЖИЗНЬ
ПОЭТА.

В ПОСЛѢДНІЕ годы своей школьной жизни Эрнстъ Фейхтерслебенъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе вліянія на товарищей. Товарищи цѣнили его и вѣрили ему. Позже онъ сталъ выбирать изъ товарищей тѣхъ, кого считалъ способнѣе понимать его стремленія.

Восемнадцати лѣтъ онъ вышелъ изъ ученія, съ горячимъ желаніемъ принести сколько можно болѣе пользы лю-

дямъ и выбралъ карьеру медика. Отецъ неохотно согласился. „Мнѣ всегда болѣе всего желалось, писалъ сынъ отцу: „работать для блага согражданъ моихъ. И всегда, чуть только я отдавался этой идеѣ, уму моему представлялся образъ врача, человѣка, который имѣетъ очевидное вліяніе на дѣйствія и жизнь своихъ ближнихъ“.

Выборъ карьеры усилилъ холодныя отношенія между отцемъ и сыномъ. Отецъ въ преклонныхъ лѣтахъ женился во второй разъ; бракъ не былъ счастливъ, какъ ни старались оба сгладить разнь вкусовъ, привычекъ и характеровъ, она чувствовалась, и семейная жизнь была такъ печальна, что въ послѣдніе годы, которые Эрнстъ пробылъ въ коллегіи, онъ каждый разъ выносилъ изъ дома впечатлѣнія до того грустныя, что писалъ въ дневникъ своемъ: „нѣкогда то былъ мнѣ вполне родной домъ. Я жилъ въ немъ. Онъ и теперь еще мнѣ родной домъ; но уже не такъ какъ прежде“. Вслѣдъ за этимъ онъ прибавилъ нѣсколько строкъ, навѣянныхъ на него печальными отношеніями къ родному дому, въ которыхъ видно какъ сильно онъ страдалъ и какъ боролся съ страданіемъ.

Эрнстъ поступилъ въ вѣнскій университетъ на медицинскій факультетъ; занялся науками съ тѣмъ же трудомъ и съ тѣми же блестящими успѣхами.

Въ свободное время онъ занимался литературой и поэзіей и сошелся съ кружкомъ поэтовъ, которые поддерживали его первые опыты. Онъ получилъ степень доктора. Отецъ, радуясь его успѣхамъ, примирился съ нимъ.

Будущее казалось юношѣ свѣтло, онъ стоялъ такъ близко у цѣли, какъ вдругъ на него обрушилось страшное несчастье. Отецъ его утопился. Давно Фейхтерслебенъ замѣчалъ, что у отца его глубокое, тайное горе; но не ожидалъ такого ужаснаго исхода. Вечеромъ отецъ заставилъ Эрнста и брата его принять довольно крупную сумму денегъ. Они удивились и отказывались, зная что лишнихъ денегъ не могло быть у отца; потомъ приняли. По утру отецъ не явился къ зав-

траку. Эрнстъ вошелъ въ его комнату, она была пуста. На столѣ лежали часы, которыхъ отецъ никогда не забывалъ. Предчувствуя несчастье, Эрнстъ кинулся на улицу разспрашивать сосѣдей, встрѣчныхъ, и узналъ что отецъ пошелъ къ Дунаю, и съ тѣхъ поръ его не видѣли. Не одно семейное несчастье было виною самоубійства старика Фейхтерслебена. Онъ какъ честный человѣкъ не могъ видѣть равнодушно несправедливости и лжи, отъ которыхъ страдали другіе; но онъ не нашелъ въ себѣ силы видѣть утѣшеніе въ исполненіи своего долга. Эрнстъ въ глубоко-прочувствованномъ, но не напечатанномъ стихотвореніи говоритъ о ничтожныхъ личностяхъ, которыя неспособны понять то, что вынесъ его отецъ и бросаютъ въ него камнями, потомъ, обращаясь къ отцу, продолжаетъ: „ты слишкомъ скоро согнулся подъ бременемъ на землѣ, надобно стоять на ней твердой ногой“. Самоубійство отца противорѣчило ученію поэта: „неси жизнь, пока есть силы, борись и трудись для чело-вѣчества“.

Обрушившійся ударъ закалилъ поэта. Настали для него тяжелые годы. Имѣніе отца было описано кредиторами; сыновьямъ оставили только то платье, которое было у нихъ на плечахъ. Эрнстъ началъ практику врача безъ гроша. Часто приходилось ему голодать. Онъ лечилъ бѣдняковъ и не только не бралъ съ нихъ никакой платы, но даромъ присылалъ лекарство. Практика его и извѣстность росли по немногу. Когда онъ началъ зарабатывать столько, что могъ не голодать, то женился на бѣдной, простой дѣвушкѣ. Жена его бодро несла бѣдность, помогала мужу и въ тоже время училась, чтобы сгладить раздѣлявшее ихъ неравенство образованія. У ней было много природнаго ума, честное, любящее сердце, способное увлекаться прекраснымъ и великимъ. Черезъ немного лѣтъ, она съ помощію мужа образовала себя настолько, что стала вполнѣ достойной ему подругой, и поддерживала его своей любовью въ тяжелыя минуты. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ говорилъ: „тебѣ обязанъ я

миромъ души, онъ давалъ мнѣ силы дѣйствовать и творить“.

Первые годы супружества Эрнста были самыми плодотворными годами его поэтической и литературной дѣятельности. Онъ издалъ два тома стихотвореній, писалъ критическіе очерки въ разные журналы и издалъ свое знаменитое сочиненіе „Гигіена души“, въ немъ онъ училъ какой образъ жизни должны вести люди, склонные къ меланхоліи и помѣшательству. Это сочиненіе сдѣлало его имя извѣстнымъ, и онъ былъ избранъ въ профессора на медицинскій факультетъ.

Профессорскія занятія отвлекли его отъ литературы. Талантливыя лекціи привлекали въ его аудиторію молодежь, а аудиторіи другихъ профессоровъ пустѣли, такъ что имъ пришлось перемѣнить часы своихъ чтеній. Фейхтерслебену пришлось оставить профессорскую кафедру для важнаго поста въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Занимая это мѣсто, онъ составилъ планы перемѣнъ, которыя внушила ему любовь къ народу и память о томъ, что самъ выносилъ въ коллегіи. Онъ хотѣлъ передать преподаваніе изъ рукъ невѣжественныхъ, жесткихъ патеровъ въ руки образованныхъ учителей устроить хорошія народныя школы, улучшить положеніе народныхъ учителей, которое было до того бѣдственно, что въ народные учителя шли только бездарные, неграмотные невѣжды. Иное ему удалось исполнить, и улучшеніе общественнаго образованія въ Австріи связано съ именемъ Фейхтерслебена.

Онъ умеръ въ 1849 году послѣ мучительной болѣзни, исходъ которой онъ какъ врачъ заранѣе зналъ. Въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ онъ видѣлъ приближеніе смерти и жалѣлъ о томъ, что не могъ сдѣлать всего, чего хотѣлъ, и что оставляетъ жену вдовою. По смерти его всѣ говорили: не стало талантливаго, ученаго и поэта, не стало честнаго человѣка.

II.

Фейхтерслебенъ началъ рано писать стихи. Одиннадцати лѣтъ онъ написалъ стихотвореніе „Поэзія“. Вотъ оно въ прозаическомъ переводѣ.

„Онъ манитъ меня, прекрасный сонмъ музъ и предлагаетъ чары свои. Поэзія породила насъ. О! да, я иду на зовъ ея. И вотъ богъ музъ съ трона своего говоритъ мнѣ: привѣтствую тебя. Иди сюда и прими награду, за то что ты насъ искалъ. Отнынѣ ты освобожденъ отъ бремени твоего—смертности. Безсмертіе—награда поэта“. Стихи эти замѣчательныя для ребенка вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ и ребяческое незнаніе мѣры. Взрослый поэтъ не мечталъ о безсмертіи поэта и зналъ, что онъ не изъ числа тѣхъ великихъ поэтовъ, чьи имена передаются въ отдаленныя вѣка. Но онъ былъ поэтъ оригинальный и талантливый, поэзія его замѣчательна по возвышенности мысли, по искренности и глубинѣ чувства.

Онъ былъ поэтомъ природы и долга. Въ природѣ Фейхтерслебенъ болѣе всего любилъ горы. „На горныхъ высяхъ, говоритъ онъ, дышется такъ легко, воздухъ прозраченъ и чистъ“. Утомленный отъ тревогъ и трудовъ городской жизни, онъ уходилъ въ горы отдыхать, взбирался на крутизны и слушалъ шорохъ горныхъ лѣсовъ и шумъ горныхъ потоковъ. Въ одномъ стихотвореніи онъ говорилъ: „многіе ѣдутъ въ отдаленные и прославленные города, другіе въ долины и рощи. Туда влечетъ и меня. Меня влечетъ подъ сѣнь кустовъ, сладостный шорохъ которыхъ такъ часто снился мнѣ въ дѣтствѣ; къ любимымъ цвѣтамъ, которые дали мнѣ первые, свѣтлые уроки“. Горы для поэта—изображеніе жизни. Есть и выси, и глубокія пропасти, есть и мрачныя картины, навѣвающія ужасъ, какъ описанная поэтомъ „Долина ада“ (Val d'Enfer). „Куда мы пришли? Неужели это земля? Если такъ, это конецъ ея. Здѣсь начинается царство безмолвія. Дыханіе смерти прошло по застывшимъ вулканиче-

скимъ скаламъ. Здѣсь шаги становятся шатки, біеніе сердца, кажется, останавливается. Дерзкій коршунъ, дразня охотника, пристально глядитъ на тебя изъ глубины гнѣзда своего. Угольщикъ, покрытый сажей, проходитъ мимо молча безъ обычнаго привѣта. Эхо шаговъ раздается одиноко отъ скалы до скалы. Съ каждымъ поворотомъ тропинки видъ все пустынный и унылый. О какъ ты чувствуешь себя одинокимъ! Одно журчаніе ручья не нарушаетъ безмолвія!

„Страшны бури въ горахъ, нарушающія это безмолвіе. Въ началѣ тишина нарушена только шорохомъ соснового лѣса, который медленно склоняетъ вершины, какъ бы предчувствуя неминуемую бурю; да слышится еще какъ червь буравитъ дерево. Не заботясь о буряхъ, потрясающихъ землю, жалкій червь земной, ища себѣ пищу, влачитъ жалкую жизнь свою между корой и древесиной: тамъ его колыбель, тамъ и могила. Вдругъ трескъ! удары грома — эхо, сотни каменныхъ стѣнъ отражаютъ грохотъ. Падаетъ молнія, сверкаетъ искра и стволъ дерева съ червемъ превращенъ въ пепелъ. А человѣкъ? молнія сверкнула близь него, и снова мракъ. Въ сердце его раздается голосъ, онъ говоритъ ему:—И твой часъ настанетъ! Онъ останавливается на вершинѣ горы. Смущенный взоръ его слѣдитъ за молніей. Молящій взоръ призываетъ свѣтъ. Свѣтъ мелькаетъ и мгновенно исчезаетъ. Разсѣялась буря. Изъ облаковъ отчетливо, тонко вырѣзается радужный сводъ, символъ мира и тишины; онъ растетъ и развертывается въ полной красотѣ. Но бури рѣдки. Въ природѣ идетъ неустанно тихая работа жизни; она созидаетъ и разрушаетъ; изъ разрушеннаго возникаетъ новая жизнь. „Поэтъ передалъ эту работу жизни въ стихотвореніи: „Миръ“. „Божественный миръ, ты высшее благо! Человѣкъ достигаетъ тебя цѣною мужественныхъ усилій, строгимъ исполненіемъ горькаго долга. Природа, въ тебѣ вѣчно живетъ миръ. Скала беззвучно вывѣтривается; бархатный мохъ покрываетъ ее и торжествуя растетъ на чистомъ воздухѣ. Повсюду, гдѣ не остановится мой взглядъ — разложеніе. Повсюду, куда до-

стигаетъ дыханіе мое — жизнь. Зеленый плющъ обвиваетъ камни, давно обрушившіеся со скалъ, а вдоль береговъ озера, въ которомъ шума исчезаетъ падающій съ горъ ручей, соха бороздитъ землю долины. Вечерніе сумерки тихо спускаются надъ землей, и скоро ночь пролетѣтъ на небѣ искрящаяся слезы, которыя мы называемъ звѣздами, небосклонъ засіяетъ тысячами огней. На скалѣ стояла маленькая хижина, пріютившая счастье; горный потокъ снесъ ее. Но возлѣ высохшаго русла нѣкогда кипѣвшей рѣки, ставятъ новыя хижины, новыя жилища труда и счастья. Настаетъ полдень, міръ природы сіяетъ красотой. „Поэтъ такъ описываетъ эту пору яркой ослѣпляющей красоты природы въ стихотвореніи „полдень“.

„Полдень часъ торжественной тишины. Солнце, не скрытое облаками, сіяетъ надъ землей. Океанъ отражаетъ его въ недвижномъ зеркалѣ своемъ. Вѣтерокъ задремалъ: послѣдняя капля росы испаряется; мелкая рябь тихо трепещетъ и шепчется; міръ носится надъ долинами и лугами. Тамъ высоко на горахъ, въ тѣни орѣшника отдыхаетъ пастухъ убаюканный далекимъ, замирающимъ звономъ деревенскаго колокола. Такъ и въ сердцѣ поэта засыпаетъ жалоба, только счастье наполняетъ его сердце, и онъ молча отдается ему“. Еслибы Фейхтерслебенъ ограничивался однимъ описаніемъ красотъ природы, то ничѣмъ не выдвинулся бы изъ рядовъ дюжинныхъ стихотворцевъ, воспѣвающихъ горы и доли, лѣса и поля, ручьи и море, солнце, звѣзды. Картины природы вдыхали въ него возвышенныя мысли о жизни человѣка. Бури природы учили бодро стоять надъ бурями жизни, а тишина ея — работать и творить въ тишинѣ, какъ и она. Въ уединеніи горныхъ высей человѣкъ учился быть самимъ собой, сбрасывать съ себя все искусственное и ложное, приставшее къ нему въ шумной сутолокѣ свѣта, и съ приливомъ новыхъ силъ, освѣженнымъ, очищеннымъ великими мыслями, снова идти въ муравейникъ людской на работу. Съ горныхъ вершинъ видно далеко; кругозоръ широкъ. Все что кажется

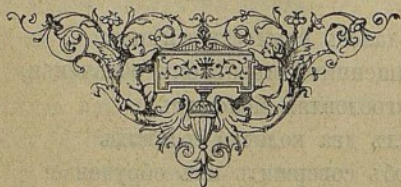
намъ большимъ, что подавляетъ насъ размѣрами своими когда мы стоимъ внизу на одномъ уровнѣ, кажется маленькимъ съ горной высоты. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ дальше онъ видитъ, тѣмъ мельче кажутся ему частности и тѣмъ обширнѣе общая картина. Такъ передъ общимъ своекорыстныя цѣли и стремленія кажутся мелкими; человѣкъ понимаетъ, что жить только для нихъ значитъ быть червемъ, паразитомъ дерева, который живетъ между корой и древесиной и несетъ съ собою гниль и тлѣніе. Вотъ мысли, какія подсказывали Фейхтерслебену горныя выси, на которыхъ „ничто мелочное, тщеславное, жалкое не смущаетъ человѣка“.

Фейхтерслебенъ былъ поэтомъ идеи великаго долга честнаго человѣка служить обществу. Онъ говорилъ въ „Результатахъ“ — такъ озаглавилъ онъ собраніе короткихъ изреченій, выражавшихъ его думы о жизни и людяхъ: — „Вѣрность общественному союзу — священная цѣль человѣка. Она есть долгъ и должна быть долгомъ“. Онъ никогда не отступалъ ни передъ одной жертвой, которую требовалъ у него долгъ, какъ бы тяжела ни была она. Торжественнымъ гимномъ звучитъ его стихотвореніе „Долгъ“: „Великое, святое слово, говоритъ онъ, ты лозунгъ борца, ты девизъ работника, когда онъ творитъ. Ты вдыхаешь въ него любовь и силу. Ты покоишь его такъ сладко, съ такою любовью въ вечеръ жизни. Ты своей святыней вдыхаешь въ него силу и въ ту минуту, когда смерть гаситъ взоръ его“. Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ о вдохновенномъ долгомъ воинѣ, который бросилъ все дорогое и идетъ на бой за освобожденіе родины. „Онъ идетъ не какъ воплощеніе дикой силы, которая рвется разгуляться, сломивъ и растоптавъ все на пути своемъ, и потомъ свирѣпствовать надъ трепещущими толпами побѣжденныхъ, обращенныхъ въ рабовъ. „Воинъ Фейхтерслебена не феодальный воитель, онъ рыцарь духа, любви и братства. Онъ скорбитъ о бѣдствіяхъ войны, и ему тяжелы кровавыя лавры. Вотъ пѣснь воина долга: „Не проклинай

насъ мирный пахарь. Что снесетъ коса войны, то снова за-зеленѣетъ. Страшный судъ меча искупить и твой позоръ. Развѣвайтесь знамена! Свѣтаетъ. Падемъ мы — не плачьте по насъ. Наша участь пасть во имя долга“.

Фейхтерслебенъ сказалъ въ своихъ запискахъ: „Люди родятся съ наклонностями ко всему: почему же не могутъ родиться люди съ наклонностями ко всему чисто человѣчному. Несомнѣнно есть люди, которые рождаются „людьми“, такъ же какъ есть люди, которые рождаются „поэтами“ — и жизнью своею вполне доказательство справедливости своей мысли. Онъ родился не только поэтомъ, но и „человѣкомъ“, т. е. онъ былъ всѣмъ тѣмъ, что онъ понималъ подъ словомъ человѣкъ. Біографъ его говоритъ: „Онъ былъ поэтомъ не только въ воображеніи и на бумагѣ; онъ былъ поэтомъ въ дѣйствительной жизни, цѣною ежедневныхъ усилій“. Въ жизни его не было разлада между словомъ и дѣломъ. Онъ училъ жизни честной, чистой, чуждой мелкаго своекорыстія, лжи, тщеславія; онъ поступалъ всегда повинаясь голосу совѣсти, могъ ошибаться, но не могъ ни кривить душой, ни трусливо отступать, когда его звалъ голосъ долга. И въ частной жизни и въ общественной поэтъ Эрнстъ Фейхтерслебенъ былъ изъ тѣхъ людей, которыми гордится человѣчество.

М. Дебрикова.

О Т Р О К Ъ.

Легенда.

(Продолженіе).

В Т КРЫТЫ настѣжъ двери храма,
И дымъ свѣчей и еиміама
Пахнулъ на князя, попъ съ крестомъ
Его на паперти встрѣчаетъ,
И князь колѣна преклоняетъ
Передъ священнымъ алтаремъ.
И рядомъ съ избранной четой
Встаетъ на княжеское мѣсто,
Вмигъ пораженный красотой
Любимой отрокомъ невѣсты.

.....
.....

VII.

Раздалось крыlostное пѣнье,
Священникъ въ бѣломъ облаченіи,
Благословляя молодыхъ,
Взялъ два колечка золотыхъ
Чтобъ совершить ихъ обрученіе;
Среди всеобщаго смятенія,
Князь Михаилъ сверкнувъ очами,
Къ налою быстро подошелъ,
За плечи отрока руками
Въ толпу безмолвную отвелъ,

И вставъ на избранное мѣсто
Съ его прелестною невѣстой,
Велѣлъ начать обрядъ святой...
Изъ храма отрокъ молодой
Смущенный тихо удалися,
Сопровождаемый толпой
Своихъ друзей, народъ молился
Теперь за князя, бракъ свершился.
И князь счастливымъ и довольнымъ
Съ своей княгиней изъ села
Съѣзжалъ лаская сокола
И скоро звономъ колокольнымъ
Былъ встрѣченъ въ городѣ престольномъ.

VIII.

Проходить годъ, а можетъ болѣ,
Цвѣла княгиня словно въ полѣ
Весной взлелѣянный цвѣтокъ,
А князя совѣсти упрекъ
Жестокій мучить и тревожить.
Онъ заглушить его не можетъ
Ни шумомъ княжескихъ пировъ
Въ дворцѣ съ веселою дружиной,
И ни охотой соколиной
Съ утра до ночи средь лѣсовъ,
Повсюду отрокъ передъ нимъ
Какъ духъ невидимый летаетъ,
Но ясно видимый лишь имъ.
Вотъ онъ какъ будто-бы любимъ
Еще Наташею, вздыхаетъ
И жадно ловить ея взоръ
И за разлуку посылаетъ
Ему проклятье и укоръ.
Князь царски хочетъ наградить
Его за отнятое счастье,
Иль словомъ теплаго участя
Страданья сердца облегчить.
Такимъ желаніемъ онъ жилъ
Всѣ дни невѣдая покоя,
И вотъ въ село его родное,
Однажды ѣдетъ Михаилъ.

IX.

Приволжъя чудныя картины:
Кругомъ дремучіе лѣса
Качають темныя вершины
Вздываясь гордо въ небеса.
Поля засѣянные рожью
Зеленой лоснятся волной,
За рыхло вспаханной землею
Опущенъ конь на волю Божью,
И бродить жадный звѣрь лѣсной.
А тамъ соха и подъ сохой
Усталый пахарь отдыхаетъ,
Прикрытый рванымъ зипуномъ...
Князь Михаилъ въ село въѣзжаетъ.
Стучится въ отроческій домъ,
Но тихо въ домѣ и кругомъ
Никто воротъ не отворяетъ,
Онъ отправляется впередъ,
Но словно вымеръ весь народъ,
Лишь на завалинкѣ избушки
Сѣдые старцы и старушки
Съ дѣтьми гуторять межъ собой
О долгой жизни трудовой,
О прошлогоднемъ урожаѣ,
О мукахъ грѣшниковъ, объ раѣ,
О многомъ прочемъ и о томъ
Что не напишешь и перомъ.

С. Дрожжинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Святыя горы.

ИЗЪ ПОДЗЕМНЫХЪ ходовъ мы выбрались, крытой галлереей, на вершины мѣловыхъ скалъ. Передъ нами открылся внизу Донецъ опушенный рощами; по гористому берегу темнѣлъ сосновый лѣсъ; въ широкой долинѣ раскинулась полупрозрачная зелень ясеней, кленовъ, липъ и сверкали небольшія озера. Сквозь просѣку мелькалъ крестъ села Студенца; ближе—виднѣлись соломенные кровли Баннаго, а за нимъ лѣсопильный заводъ обители, за лѣсами лѣса точно въ туманѣ—дальше и не видать ихъ, только чувствуется что они есть, да скрылись въ небесной синевѣ. Подъ ногами весь монастырь. Вся эта картина была оживлена множествомъ народа, толпившагося по монастырскимъ дворамъ и у рѣки, и стаями голубей. По широкому шляху медленно подвигались на волахъ возы, къ Донцу тянулись стада бѣлыхъ гусей. Подъ Богородичномъ на плоту перевозили богомольцевъ, большей частію хохлушекъ въ сѣрыхъ и бѣлыхъ свиткахъ, съ котомками за плечами.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, говорили намъ, въ монастырь стало приходить народа гораздо больше прежняго. Въ годъ больше шестидесяти тысячъ перебивается.

Вечеръ мы встрѣтили на дачѣ Т. Б. Потемкиной — ее тутъ не было. Вся дача была въ цвѣтущихъ деревьяхъ.

Насъ такъ и обдало запахомъ бѣлой акаціи. Живописнѣ мѣста невозможно было и выбрать. Что за видъ съ балкона! горы выступаютъ изъ-за горъ и все точно обрушивается въ Донецъ. Вся обитель какъ на рисункѣ.

Полагаютъ, что въ донецкой скалѣ спасались пустыnnики, и сами вырыли себѣ тамъ пещеры и ходы.

Въ XIV вѣкѣ тамъ былъ уже монастырь съ убогимъ храмомъ въ дремучемъ лѣсу. Такъ какъ Святогорскій монастырь стоялъ на крымской землѣ, то и считался за чертой. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, изъ городовъ Рыльска и Путивля высылалась стража охранять эту окраину отъ крымскихъ татаръ и стояли батареи.

Какъ зарубежный форпостъ, Святогорье сослужило большую службу Россіи. Кромѣ того русскіе плѣнники, бѣжавшіе отъ татаръ, находили себѣ пріютъ и защиту въ Святогорьѣ. Случалось что татары нападали на монастырь и уводили въ плѣнъ монаховъ; часто и монахи пускались въ погоню за татарами въ ладьяхъ и на коняхъ, отбивали плѣнныхъ, случалось и косяки лошадей.

Въ это время монастырь владѣлъ землею по Донцу на нѣсколько верстъ, съ селами, рыбными ловлями и славянскими соляными промыслами *).

*) Въ Славянскѣ и Бахмутѣ, въ недавнее время, заложены были двѣ буровыя скважины, чтобы узнать есть-ли далѣе, болѣе густой разсолъ, и нѣтъ-ли каменной соли, оказался не только болѣе крѣпкій разсолъ, но на глубинѣ 25 футовъ найденъ былъ сплошной слой каменный соли, какъ около Бахмута, такъ и въ Славянскѣ. Слой этотъ не прерывался и оказался самаго лучшаго качества. Лѣтъ шесть тому назадъ около Славянска и Бахмута сдѣланы были двѣ пробныя буровыя скважины—одна въ 15 верстахъ отъ Бахмута и найденъ тотъ же самый пластъ соли. Въ настоящее время тамъ заложена настоящая шахта; изъ нее получается соль самаго высокаго качества.

Пласты соли какъ въ Бахмутѣ, такъ и въ Славянскѣ, какъ по толщинѣ, такъ и по пространству далеко превосходятъ извѣстные Величкинскіе каменные соляныя копи.

Пройдено въ глубину 20 сажень сплошной каменной соли и еще не достигли конца пласта.

Дѣло это имѣетъ громадную будущность, какъ для сельскаго хозяйства, такъ и для разныхъ химическихъ производствъ.

МАЛОРОССЪ.

Въ 1739 году была въ тѣхъ мѣстахъ моровая язва, отъ которой всѣ монахи святогорскіе умерли, кромѣ двухъ столѣтнихъ старцевъ; но монастырь не уничтожился; въ него поступило много людей образованныхъ изъ харьковскаго коллегіума и професоровъ философіи. Игумень монастыря Филаретъ Финевскій уволилъ монастырскихъ крестьянъ на свободу, за это его смѣнили съ мѣста, а при его преемникѣ обитель закрыли, а 20,000 монастырскимъ крестьянъ и 30,000, принадлежавшихъ монастырю, десятинъ лѣса—были подарены Потемкину.

Спустя 70 лѣтъ монастырь былъ возобновленъ на прежнемъ мѣстѣ, отведено 70 десятинъ земли и записанъ капиталъ въ 10,000.

Мы возвратились въ гостинницу поздно, — усталые, но довольные прогулкой. Комнаты наши были чисто убраны и освѣжены открытыми окнами. Поблагодаривши нашего спутника—за сопутствіе намъ, условились съ нимъ, на слѣдующій день, послѣ обѣдни, осмотрѣть хозяйственныя заведенія обители.

Мы встали утромъ рано, отслушали въ соборѣ обѣдню и, въ сопровожденіи уже знакомаго намъ монаха, осмотрѣли ризницу, трапезную, принадлежащій обители кирпичный заводъ, санное и телѣжное заведеніе, свѣчной заводъ и механическую мастерскую. Побывали на лѣсопильной, гдѣ рубятъ дрова и пилятъ бревна и доски, тамъ запахъ молодой листвы пріятно мѣшался съ смолистымъ запахомъ сосны и свѣжераспиленного дерева, и слышался стукъ топора. Изъ лѣсопильни отправились мы на мельницу. На поляхъ роса была уже обсохнувши, а по ложбинамъ стояла еще колод-

Разсолъ, получаемый изъ первоначальныхъ скважинъ, такъ густъ, что безъ помощи градира качается прямо на заводъ, гдѣ выпаряется въ сковородахъ на огнѣ.

Въ Бахмутѣ для этой цѣли устроенъ огромный солеваренный заводъ, на котомъ каждый годъ вываривается миллионъ пудовъ соли.

Въ Славянскѣ градиры оставлены. Маленькіе заводы получаютъ разсолъ изъ находящейся тамъ буровой скважины.

А. П.—т.

цемъ, какъ говорятъ тамошніе жители. Мельница прекрасная. Четыре пары жернововъ работаютъ безъ остановки. Мельникъ монахъ изъ крестьянъ, одѣтый почти въ своей крестьянской одеждѣ, былъ очень радъ посѣтителямъ, усердно намъ все показывалъ и объяснялъ. Когда кончили обзоръ, онъ попросилъ насъ взойти на мельничный балконъ, съ котораго открывалась обширная поляна, и тамъ угостилъ чаемъ. На балконѣ мы отлично отдохнули и между прочими разговорами узнали отъ мельника, что въ селѣ Малкахъ у обители есть еще огромная водяная мельница, которую поставилъ простой неграмотный крестьянинъ, такъ отлично, что пріѣзжаютъ любоваться ею, отъ мельницы было близко до хутора, — тамъ, на скотномъ дворѣ, держатъ много коровъ и до пятидесяти паръ воловъ.

Около хутора — находится бахча.

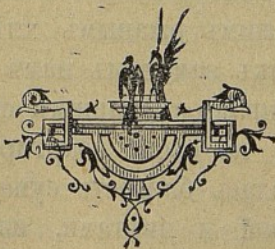
Большая часть работъ какъ полевыхъ, такъ и на хуторѣ производится наемными рабочими съ ближайшихъ селеній, кромѣ того при дѣлѣ живетъ постоянно много монаховъ, тамъ же на хуторѣ устроена пекарня съ огромной печью, въ которой печется до 65 пудовъ хлѣба, хлѣбъ отличный. Мы на хуторѣ позавтракали свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ со сливками и яйцами, этотъ завтракъ замѣнилъ намъ и обѣдъ.

Дружески разговаривая съ нашимъ спутникомъ, мы не торопясь возвращались на свою квартиру по очаровательной дорогѣ. Чувствовалась близость сумерекъ, падала роса и сильнѣе пахло травой и цвѣтами, изъ которыхъ рѣзко выдѣлялся запахъ ночныхъ фіалокъ. Днемъ ихъ точно и нѣтъ; только какъ стрѣлки высятся изъ травы ихъ хрусталивидные стебельки, обвѣшенные до половины бѣлыми колокольчиками. Наступаетъ ночь, и ночныя фіалки льютъ такой упоительный запахъ, лучше котораго нѣтъ ни въ какой оранжереѣ. Ближе къ Донцу слышалось все громче и громче однообразное кваканье лягушекъ, казалось онѣ наперерывъ старались перекричать другъ друга. Сквозь деревья блеснулъ свѣтъ поднимавшагося отъ горизонта мѣсяца. Посыпались

трели соловьевъ. Все слилось со стрекотаньемъ насекомыхъ, отъ листьевъ до травки, какъ бы пробудилось отъ дремоты, навѣяной утомляющими лучами солнца. Приближавшаяся ночь становилась все полнѣе и полнѣе какой-то таинственной жизни, а видимые предметы все больше и больше тонули вдали голубоватыми полутонами.

Такъ дошли мы до гостиницы, на дворѣ одни богомольцы спали на каменныхъ плитахъ двора, положивъ подъ головы кто котомку, кто свитку, другіе стоя на колѣняхъ молились на церкви и усердно клали земные поклоны. Тихо струился Донецъ, кусты и деревья цвѣли неподвижно, полный мѣсяцъ поднимался все выше и выше, разгорался все яснѣе и какъ бы остановился въ высотѣ. Все засіяло.

Т. Лассекъ.

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ

КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

ИОДГОРОДНОЕ Харьковское село Основа, принадлежавшее издавна фамилии Донецъ-Захаржевскимъ, перешло потомъ во владѣніе семейства Квитокъ. Отъ имени этого села произошелъ псевдонимъ „Квитка-Основьяненко“ одному изъ членовъ этого семейства.

Изъ числа владѣльцевъ Основы, въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія, находился Федоръ Ивановичъ Квитка. Онъ былъ женатъ на Марѣ Васильевнѣ Шидловской, женщинѣ очень образованной, но гордой и суровой. Федоръ же Ивановичъ отличался добротой, простотой нравовъ, любезностію въ обращеніи и необыкновеннымъ даромъ шутя высказывать самыя глубокія и полезныя истины. Такой человѣкъ не могъ оставаться безъ вліянія какъ въ обществѣ, такъ и въ семействѣ своемъ. Къ общему сожалѣнію онъ рано кончилъ жизнь, оставивши двухъ сыновей.

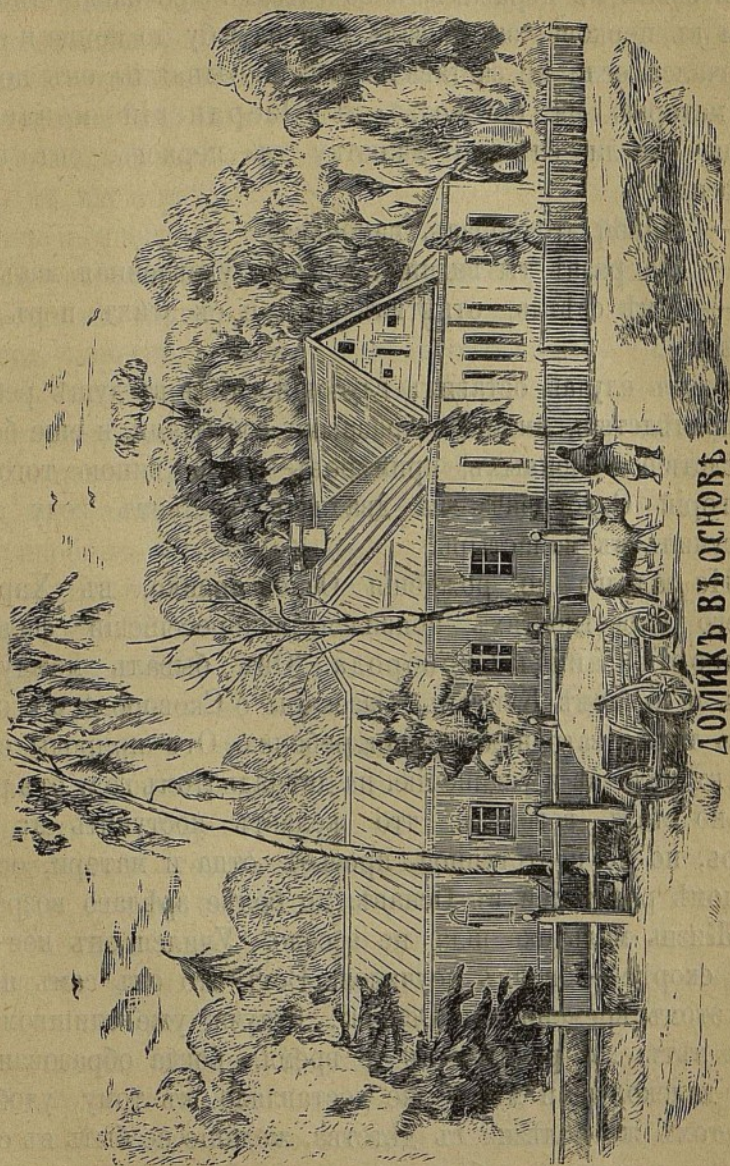
Старшій изъ нихъ Андрей Федоровичъ былъ въ числѣ первыхъ магнатовъ Харькова. Онъ около двадцати-пяти лѣтъ занималъ мѣсто губернскаго предводителя и пользовался такою популярностію, что какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его не называли иначе какъ „Андрей Федоровичъ“, при этомъ имени всякій зналъ кто это такой.

Меньшой братъ его—Григорій Ѳеодоровичъ—былъ литераторъ и сдѣлался извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Грицко Основьяненко. Кроткій, скромный, безкорыстный — онъ страстно любилъ родину и никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Любовь его и преданность къ брату была такъ глубока, что онъ смотрѣлъ на него какъ на высшее существо, и безъ малѣйшаго колебанія отказался въ его пользу отъ своей части въ имѣніи, такъ какъ, несмотря на то, что имѣніе ихъ было довольно значительно, еслибы оно раздѣлилось между двумя братьями, то старшему трудно бы было удовлетворить требованія по занимаемому имъ мѣсту. Уступивши брату все состояніе, Григорій Ѳеодоровичъ оставилъ себѣ на прожитіе только 40,000 капитала и занялъ въ Основѣ низенькій домикъ съ каменной оградой, на обширномъ, почти пустомъ дворѣ, насупротивъ огромнаго деревяннаго дома своего брата, владѣльца Основы.

Вся обстановка большого дома была такъ роскошна, что когда Андрей Ѳеодоровичъ, какъ представитель харьковскаго дворянства, принималъ въ немъ императора Александра I, то государь, войдя въ великолѣпный домъ Основы съ оранжереями, бронзой, зеркалами, мраморомъ—спросилъ: не во дворцѣ ли я? Передъ домомъ Основы былъ прелестный лугъ со множествомъ оранжерейныхъ растеній и деревьевъ, растущихъ на открытомъ воздухѣ, рѣдкихъ въ этомъ краѣ. Съ балкона въ двухъ мѣстахъ, сквозь просвѣтъ деревьевъ, видѣнь Харьковъ.

Въ настоящее время на землѣ, прежде принадлежавшей Основѣ, находится цѣлый южный кварталъ города. Тутъ соединяются три рѣки Харькова. Онѣ протекаютъ возлѣ усадьбы Основы и отдѣляютъ ее отъ окончнаго городского поселенія. Усадьбу составляетъ сосновая роща и замѣчательный ботаническій садъ, съ оранжереями, которыя поддерживаются и въ настоящее время. Дорожки сада и теперь усыпаны оранжевымъ пескомъ, въ саду бѣгаютъ сѣрые кролики и устроены гимнастическія игры.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка родился въ 1778 году. Это былъ ребенокъ худой, слабый, золотушный. Золотуха бро-

силась въ глаза малютки, ослѣпила его и онъ до пяти лѣтъ ничего не видѣлъ. Это несчастье имѣло сильное вліяніе на

бѣднаго мальчика, все его желаніе, вмѣсто дѣтскихъ игръ, сосредоточивалось на молитвѣ. Онъ пробуждался при утреннемъ звонѣ въ церквахъ, и со слезами просился, чтобы его вели въ церковь, выстаивалъ всю службу до конца и сильно огорчался если не заставлялъ начала. Однажды онъ поѣхалъ съ матерью на богомолье въ Озерянской монастырь, когда внесли слѣпую малютку въ церковь, онъ вдругъ спросилъ:

— Какой это образъ, маменька?

— Да развѣ ты видишь? сказала удивленная мать.

— Мнѣ свѣтло, отвѣтилъ онъ—и съ этихъ поръ сталъ видѣть.

Этотъ случай оставилъ глубокій слѣдъ въ душѣ ребенка, и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ разными событіями, и еще больше вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ—было виною того, что Григорій Ѳеодоровичъ на двадцать третьемъ году жизни поступилъ въ монастырь.

Не задолго до рожденія Основьяненко, въ Харьковѣ и его окрестностяхъ появился малороссійскій философъ Григорій Савичъ Сковорода. Онъ бывалъ между прочимъ и въ домѣ Квитокъ. Разскры о Сковородѣ и его примѣръ также затронули мысли ребенка. Отъ природы склонный къ молитвѣ и уединенію, на двѣнадцатомъ году отъ рѣшительно сталъ говорить, что желаетъ поступить въ монастырь, но по неотступной просьбѣ отца и матери, остался въ домѣ родителей въ Осовѣ, до болѣе зрѣлаго возраста.

Жизнь мальчика шла не весело. Учился онъ кое-какъ, или, скорѣе—совсѣмъ неучился. Вотъ что онъ самъ писалъ объ этомъ времени изъ Основы, будучи уже слишкомъ сорока лѣтъ: „Я родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; при томъ же болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а быть можетъ, и безпечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту, все это вмѣстѣ было причиною, что я нерадѣлъ о будущемъ и уклонялся даже отъ того, что

было подъ руками, и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что умѣю писать и этого для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости я не пускался, и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междометіяхъ не могъ слушать терпѣливо! съ такими познаніями писатели не бываютъ. Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ“...

Лѣтъ пятнадцати, по совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ; но черезъ годъ, по слабости здоровья, перечислился въ гражданскую службу. Въ гражданской службѣ пробылъ также не долго и снова перешелъ въ харьковскій кирасирскій полкъ уже ротмистромъ; а на двадцать третьемъ году, послѣ женидьбы старшаго брата, поступилъ послушникомъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ и пробылъ около четырехъ лѣтъ, переселяясь временами гостить въ Основу.

Куряжскій преображенскій монастырь находится въ восьми верстахъ отъ Харькова, на дорогѣ въ Полтаву и Кіевъ, въ чрезвычайно живописной мѣстности. Онъ стоитъ на возвышенности, окруженной съ трехъ сторонъ садами и группами деревьевъ. Со станціи Ольшаны онъ видѣнъ за восемь верстъ. Обрывы горъ на западной и сѣверо-западной сторонахъ его, покрытыя зеленью, дики и картинны. Самая же лучшая особенность его мѣстности — ключи чистой, холодной воды, легкой и здоровой, которые бьютъ изъ кремнистой горы. Въ старину отъ Харькова до Куряжа шелъ непроходимый лѣсъ, а по берегамъ сосѣднихъ рѣчекъ цвѣли сѣянныя покосы. На томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь монастырь, стояла надъ рѣчкою Куряжью — пасѣка, это было единственное жилое мѣсто во всей окрестности. На этомъ-то мѣстѣ въ XVII вѣкѣ и построили монастырь.

По близости монастыря къ Харькову, харьковскіе епископы избирали его любимымъ мѣстомъ для своихъ поѣздокъ

въ окрестности. Епископъ Сулима замѣтилъ молодого послушника и часто бралъ его съ собой въ городъ. Недавно еще многіе изъ жителей Харькова помнили, какъ Основьяненко въ черномъ, смиренномъ платьѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго. Когда прошелъ срокъ испытанія, какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, слабое здоровье не позволило ему постричься. Сверхъ того онъ уступилъ желанію отца, который сталъ слабѣть и близиться къ концу.

На отдаленіе его отъ монастырской жизни подѣйствоваль еще слѣдующій незначительный случай; подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ онъ исполнялъ самыя трудныя работы, между прочимъ, смотрѣлъ за лошадьми, которыхъ всю жизнь боялся. Однажды повезъ онъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ сдѣланные на монастырскомъ дворѣ бочки. Была осень, страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и засѣлъ по оси въ грязь, какъ ни хлопоталъ Основьяненко, ничего не могъ подѣлать. Кругомъ собрались мальчишки, узнали молодого человѣка и подняли крикъ: Квитка! Квитка! — онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ, ушелъ въ Основу, и съ этого времени уже не думалъ больше объ удаленіи отъ свѣта.

Тихая жизнь въ монастырскомъ уединеніи и молитвѣ, среди живописной, прекрасной мѣстности, оставила неизгладимые слѣды въ душѣ Основьяненко, которые и отозвались въ его лучшихъ произведеніяхъ вездѣ, гдѣ являются добрыя, свѣжія личности его простонародныхъ героевъ и героинь, согрѣтыхъ простодушной, прямой религіозностью.

По выходѣ изъ монастыря Основьяненко мало по малу сталъ привыкать къ свѣтской жизни; но вмѣстѣ съ этимъ удержалъ и привычки отшельника. Живши въ Основѣ, онъ хранилъ ключи отъ церкви, благовѣстилъ на колоколы по праздникамъ. Въ комнатѣ его стоялъ до конца его жизни аналой съ молитвенникомъ и теплилась лампада.

Мало по малу здоровье его совсѣмъ оправилось, и онъ сталъ принимать участіе въ домашнихъ увеселеніяхъ. Квитка любилъ музыку, занимался ею, и играя на флейтѣ, про-сиживалъ по цѣлымъ ночамъ въ тѣни садовъ Основы. Кромѣ того устраивалъ фейерверки, домашніе спектакли, обыкновенно бралъ себѣ самыя трудныя роли. Однажды при устройствѣ домашняго фейерверка, съ нимъ случилось несчастіе,—взрывъ пороха опалилъ ему лице и глаза, это оставило у него на лбу синеватые пятна и лишило лѣваго глаза.

Когда объявлено было народное ополченіе, Квитка уже въ послѣдній разъ опредѣлился въ военную службу, въ милицію Харьковской губерніи, а въ 1801 году вышелъ въ отставку.

Въ это время въ Харьковѣ стали основываться высшія учебныя заведенія — это оживило и освѣтило цѣлый край.

Въ 1805 году 18 января открылся харьковскій университетъ. Основаніемъ университета край обязанъ Каразину. Квитка, въ своей статьѣ Харьковъ, съ восторгомъ упоминаетъ объ этомъ дѣлѣ, полезномъ не только краю, но и отечеству.

Мало по малу аудиторіи университета стали наполняться молодыми слушателями. На лекціи являлись въ чемъ попало; мундиры надѣвали только въ большіе праздники.

По ходатайству Каразина изъ за-границы приглашены были читать лекціи знаменитые: Лапласъ и Фихте—къ сожалѣнію это не состоялось по недостатку средствъ университета. Въ числѣ многихъ достойныхъ молодыхъ профессоровъ — Гонорскій, Склабовскій, Филомаѳитскій и Гулакъ-Артемовскій подъ предсѣдательствомъ Квитки положили основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ; при университетской типографіи разомъ открылось два журнала и газеты. Каразинымъ вызваны были изъ за-границы типографщики, переплетчики, часовыхъ дѣла мастера, столяры, рѣшники, слесаря, каретники, кузнецы. При университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, печатались почти все малороссійскія книги. Въ журналахъ являлись почти все писавшіе тогда профессора. Тутъ явился и Квитка подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Таковъ былъ въ первое время кругъ преподавателей новаго университета. Число слушателей быстро возрастало, жизнь была очень дешева.

Харьковское начальство, желая доставить городу развлечение, завело дворянскій клубъ. Содержателемъ его былъ фехтовальный учитель университета, Ле-дюкъ. Въ клубѣ танцовали до упада—экосецы, полонезы и *à la greeque*—главную роль играли студенты. Здѣсь началъ появляться какъ свѣтскій человекъ и Основьяненко. Сперва просто гостемъ, потомъ однимъ изъ главныхъ распорядителей, наконецъ—директоромъ танцевальнаго клуба. Въ началѣ 12 года открытъ былъ правильный, постоянный городской театръ. Директоромъ театра былъ также Основьяненко.

Съ 1816 года театръ содержалъ учитель танцованья Штейнъ. У этого Штейна въ первый разъ явился робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курской губерніи, игравшій прежде въ Полтавѣ—имя его было Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ... Щепкинъ появлялся въ драмахъ и трагедіяхъ. Однажды Основьяненко поймалъ его за кулисами и сказалъ:

— Эхъ братъ Щепкинъ! играй въ комедіяхъ, изъ твоихъ физмъ и министерства постоянно выглядываютъ молюеровскіе жокрисы,—эти слова были многозначительны для будущаго великаго комика. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ исподоволь съигралъ въ Харьковѣ всѣ роли отъ часоваго, лакея, офицера и до герцоговъ. Въ бенефисъ его дана была Наталка-Полтавка.

Кромѣ увеселительныхъ заведеній, устраивались общества съ благотворительной цѣлью, такъ учреждено было филотехническое общество, цѣль котораго была улучшение сельской промышленности и устройство образцовыхъ хозяйственныхъ фермъ и фабрикъ.

Благотворительное общество посѣщенія бѣдныхъ положило основаніе и основало на свой счетъ институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ.

Первая мысль учрежденія института принадлежала Григорію Оедоровичу Квиткѣ. Институтъ для дѣвицъ былъ открытъ черезъ семь лѣтъ послѣ университета. Главное управленіе дѣлами института было ввѣрено ему же.

Позднѣ стараніями Основьяненко въ Харьковѣ открытъ былъ кадетскій корпусъ, перенесенный потомъ въ Полтаву, и публичная бібліотека при университетѣ. Около 1818 года изъ Петербурга пріѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ Екатерининскаго института и вскорѣ вышла замужъ за Основьяненко. Это была знаменитая

почтенная Анна Григорьевна, имя которой часто встрѣчается въ посвященіи повѣстей ея мужа. Она принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ Основьяненко, делѣяла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія какъ на что-то высшее и когда не стало на свѣтъ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и съ нетерпѣніемъ ждала минуты съ нимъ соединиться. Вотъ какъ говоритъ объ ней самъ Основьяненко въ письмѣ къ П. А. Плетневу: „мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный—Анна Григорьевна—находитъ, что щирая любовь интереснѣе Маруси. Не знаю, какъ въ свое время посудите, а я ей вѣрю; что было бы безъ ея руководства? если вознесусь, она меня притянетъ, если опускаюсь, она велитъ вылезать или оставить и приподняться; она то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, то въ описаніяхъ дѣйствія. Она судьбою дана мнѣ въ награду не знаю за что; но только изъ того института, который здѣсь учрежденъ, она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня собою за всѣ заботы мои объ институтѣ! Жизнь моя коловратна, когда нибудь передамъ, хотя въ отрывкахъ для любопытства“. При этомъ письмѣ приложено письмо и отъ Анны Григорьевны, въ которомъ между прочимъ она пишетъ: „Я—Фулфъ, первая выпущенная въ 1817 г. и на другой годъ изъ пепиньерокъ отправлена по волѣ императрицы Маріи Федоровны въ харьковскій институтъ, гдѣ черезъ два года вышла замужъ за основателя и члена этого заведенія, извѣстнаго Грицко Основьяненко“.

Институтъ былъ сейчасъ за церковью и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо въ калитку институтскаго сада. Помѣщеніе его состояло изъ двухъ комнатъ: большой въ 3 окна во дворъ и маленькой спальней въ 1 окно выходящее въ садъ.

Въ этой же квартирѣ онъ прожилъ первые мѣсяцы и женатый. Туда ему носили отъ матери, поселившейся по соѣдству съ своей дочерью, чай, обѣдалъ же онъ въ домѣ матери, шутилъ съ сестрами, рассказывалъ объ институтѣ и о шалуньяхъ институткахъ.

Первые литературные вечера въ Харьковѣ и начало журналистики.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой стали собираться по вечерамъ для чтенія профессора, студенты и все мыслящее общество. Здѣсь сталъ появляться и будущій Основьяненко съ своими малороссійскими анекдотами, игрой на флейтѣ и піесами для фортепьянъ своего сочиненія.

Вслѣдъ за этими вечерами, открылись литературные вечера у адъютанта русской словесности Гонорскаго. Тутъ Основьяненко уже разсуждалъ о литературѣ.

Украинская литература начинается народной пѣсней и сказкой. Пѣсня для малоросса все—и поэзія, и отцовская могила. Ихъ можно назвать историческими. Пѣсня—дневникъ украинца. Сказка—украинская эпопея. Они были еще задолго до появленія книжной дѣятельности въ степяхъ.

Печатная украинская литература начинается, какъ и вездѣ, лѣтописями. Центромъ ея сперва явился Кіевъ; потомъ въ началѣ XIX вѣка она перешла въ Харьковъ, гдѣ былъ открытъ первый южный университетъ. Въ послѣдніе годы Кіевъ и Харьковъ нераздѣльно идутъ впереди литературной дѣятельности Украины.

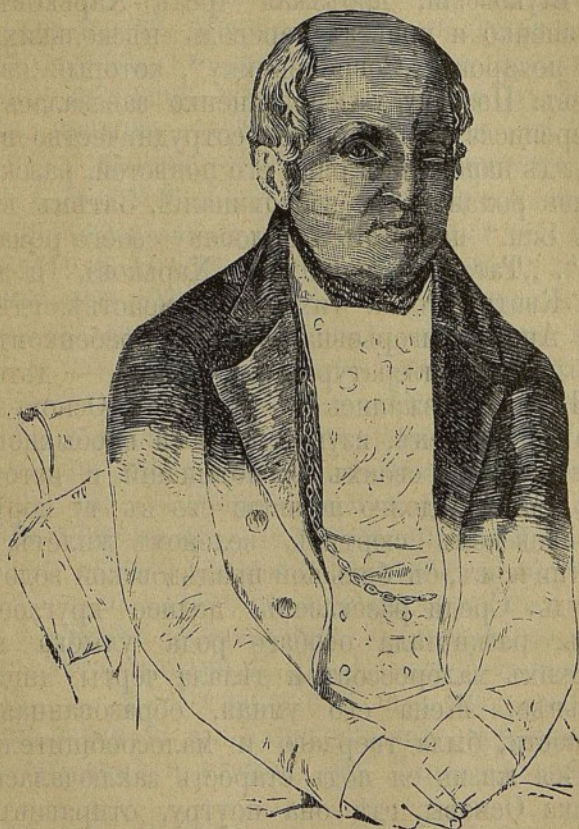
Наконецъ при харьковской типографіи вышелъ „Украинскій Вѣстникъ“ подъ редакціей Основьяненко и двухъ другихъ издателей и тотчасъ сталъ прочно. Основьяненко печаталъ здѣсь подъ своимъ именемъ отчеты объ институтѣ, и юмористическія статьи—подъ псевдонимомъ Оалалѣя Повитухина, которыя производили въ обществѣ фуроръ.

Затѣмъ въ Харьковѣ образовался другой журналъ, подъ названіемъ „Харьковскій Демокритъ“. Издатели „Украинскаго Вѣстника“ соединились съ нимъ.

По прекращеніи „Украинскаго Вѣстника“, Основьяненко сталъ участвовать въ „Вѣстникѣ Европы“, который издавалъ въ Москвѣ профессоръ университета Каченовскій, тамъ появились его комедіи и повѣсти.

Эпиграммы, которыя иногда писались на Основьяненко, дѣйствовали тяжело на его мирную, робкую природу. Въ 1820 году Основьяненко написалъ комедію: *Пріѣзжіе*

изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ, и первую повѣсть Харьковская Ганнуся, затѣмъ „Солдатскій портретъ“ и двѣ комедіи: Дворянскіе выборы и Шельменко деньщикъ, обѣ имѣли большой успѣхъ. Вслѣдъ за ними появилось два тома извѣстныхъ малороссійскихъ повѣстей, рассказанныхъ Грицкомъ Основьяненкомъ, онъ и объявилъ:

ГРИЦКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

„Написавъ нѣсколько повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего настоящаго прозвища сталъ принимать другое, или по имени отца, Петренко Василенко, или по мѣсту жительства Зайченко, Горовенко, взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ Основѣ, и такъ да буду Основьяненко и пошелъ такъ писаться“.

Успѣхъ этихъ повѣстей былъ рѣдкій. Вслѣдъ за тѣмъ Основьяненко напечаталъ оперетку „Сватаніе на Гончаровкѣ“ и „Листы до любезныхъ земляковъ“, родъ поучительныхъ посланій на малороссійскомъ языкѣ къ просто-народію.

Вскорѣ извѣстность украинскаго разскащика дошла до Петербурга. Журналы наперерывъ стали просить его сотрудничества. Жуковскій, проѣзжая чрезъ Харьковъ, видѣлся съ Основьяненко и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ „Современнику“, который издавалъ П. А. Плетневъ. Поэтому у Основьяненко завязалась съ Плетневымъ переписка и постоянное сотрудничество въ „Современникѣ“, гдѣ напечатанъ рядъ его повѣстей, разсказовъ, отрывковъ изъ романовъ и воспоминаній. Затѣмъ въ „Отечественныхъ Зап.“ напечаталъ половину своего романа „Панъ Халявскій“, „Татарскіе набѣги на Харьковъ“ и другіе.

Жизнь Квитки текла тихо въ семействѣ, гдѣ за нимъ ухаживала Анна Григорьевна, какъ за ребенкомъ, и почти въ непрерывныхъ литературныхъ трудахъ, — дѣтей у нихъ не было. Когда съѣзжались къ нему въ Основу знакомые, онъ, 60-лѣтній старецъ, изумлялъ своей необыкновенной памятью, свѣжестью своихъ воспоминаній и историческихъ разсказовъ. Многіе долго помнили его въ ту пору въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ, безъ воротничковъ, съ большой прадѣдовской золотой цѣпью черезъ грудь. Среди разсказовъ, полное круглое лицо его оживлялось, разцвѣтала особаго рода улыбка коренныхъ старосвѣтскихъ малороссовъ и дѣлала черты лица его еще выразительнѣе. Жена его умная, образованная, строгой нравственности, была твердаго и малосообщительнаго характера. Вся жизнь ея подъ старость заключалась въ стѣнахъ домика Основы, гдѣ она поутру, отправивъ мужа на службу, прихотливо одѣвалась и ждала его къ обѣду.

За обѣдомъ гостей у нихъ никогда не бывало. Основьяненко любилъ покушать особенно національныя блюда: кислые пироги, блины, вареники и др., вообще же обѣдъ былъ скромный, какъ и жизнь его. Послѣ обѣда онъ отправлялся въ свой кабинетъ, это были лучшіе часы его жизни. Онъ писалъ никѣмъ не тревожимый, а подъ вечеръ читалъ женѣ свои свѣжія произведенія или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женой онъ во всемъ совѣтовался и слѣпо довѣ-

рять ея мнѣнію. Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ и видимо избѣгалъ всякаго общества ему не по сердцу, но принималъ съ удовольствіемъ рѣдкія посѣщенія родныхъ, проѣзжихъ, знакомыхъ съ нимъ по печати и молодыхъ людей изъ университета, которые ухаживали за его извѣстностью.

Отправляясь на службу, онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ Лукьяномъ, отъ котораго заимствовалъ матеріалы для своихъ разсказовъ. Лысый Лукьянъ, какъ его звали въ Харьковѣ, въ качествѣ стараго, преданнаго слугителя, которые теперь встрѣчаются рѣдко въ Малороссіи, пользовался правомъ свободно обращаться съ господами.

Около этого времени Основьяненко познакомился съ беллетристомъ Гребенкой. Гребенка давно собирался навѣстить Квитку и переписывался съ нимъ. Проѣздомъ черезъ Украину онъ завернулъ на Основу. Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, онъ увидалъ старика, читавшаго книгу. Гребенка подошелъ къ окну и спросилъ: „А чи дома панъ Основьяненко?“ и вслѣдъ затѣмъ взглядывши въ него вскрикнулъ: „Здорово батьку Грицко?“ Основьяненко медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывающимся отъ радости голосомъ: „А чи не Гребеночка?“ Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у своего гостепріимнаго учителя по литературѣ, прогостилъ у него нѣсколько дней, потомъ долго поддерживалъ съ нимъ переписку и ревностно хлопоталъ по его дѣламъ въ Петербургѣ.

Кромѣ Гребенки Основьяненко былъ знакомъ со многими украинскими литераторами. П. П. Гулакъ-Артемовскій, И. И. Сръзневскій, А. Л. Метлинскій и вся молодежь, которая въ то время издавала въ Харьковѣ литературные сборники, бывала въ его домѣ и уѣзжая изъ Харькова вела съ нимъ переписку.

Въ 1843 году Основьяненко переѣхалъ изъ Основы въ городъ; квартира его и ея меблировка были просты, безъ всякихъ украшеній. Жены его никто не видалъ въ шелковомъ платьѣ. Въ городѣ Квитка часто бывалъ въ церкви—онъ былъ всегда религіозенъ и зналъ почти наизусть божественную службу. Характеръ его былъ вмѣстѣ скрытенъ и искрененъ, простодушенъ и остроуменъ. Недостатокъ классическаго образованія онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за дви-

женіемъ русской литературы, никогда не позволялъ себѣ сужденій о томъ, чего не зналъ, и безъ ложнаго стыда признавался въ незнаніи. Онъ былъ охотникъ до анекдотовъ, но никогда себѣ не позволялъ говорить дурно о лицахъ и о чьихъ нибудь дурныхъ поступкахъ.

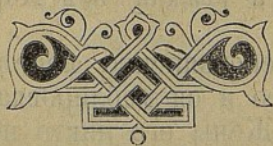
Несмотря на старость, Квитка былъ крѣпокъ и свѣжъ, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть.

Въ августѣ 1843 года онъ заболѣлъ воспаленіемъ, спокойно приготовился къ смерти и тихо скончался на рукахъ жены и нѣкоторыхъ родныхъ 8-го августа 1843 года, въ пять часовъ пополудни.

Весь городъ глубоко чувствовалъ его потерю и почтилъ покойника, какъ одного изъ лучшихъ согражданъ, какъ одного изъ избранныхъ людей края. Всѣ сословія отъ самаго высшаго до самаго простаго стеклись тысячами поклониться праху своего любимца. Площадь отъ дома до церкви была полна народомъ, и слезы виднѣлись на глазахъ у многихъ.

Основьяненко жилъ 64 года безъ трехъ мѣсяцевъ и десяти дней. Черезъ девять лѣтъ послѣ него умерла и Анна Григорьевна. Оба похоронены на Холодногорскомъ кладбищѣ, съ вышины котораго открывастся весь Харьковъ, съ его новыми, свѣтлыми домами, улицами и извилистыми рѣчками. Могила ихъ находится на краю горы, надъ обрывомъ. Памятникъ надъ нею—бѣлый мраморный, съ чугунной оградой и надписью: Здѣсь покоится прахъ Григорія Ѳеодоровича Квитка-Основьяненко. Родился 18-го ноября 1778 г. Скончался 8-го августа 1843 г.

* * *

Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 февраля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эредель пер., д. № 11—2.